

УДК 821.113.5-053.6

ББК 84(4Нор)-44

X38

Автор обложки Татьяна Перова

Хенриксен, Леви.

X38 Ангел с Чёртова острова : [для ср. шк. возраста : 6+] / Леви Хенриксен ; пер. с норв. Анастасии Наумовой ; [обл. Т. Перовой]. — М. : КомпасГид, 2019. — 216 с.

ISBN 978-5-00083-587-6

Когда Астрид Барос исполнилось десять, она решила, что не желает взрослеть: «Люди растут, а сердца у них сжимаются, и места там становится меньше». У мамы теперь новый друг, у папы — новая подруга, а Астрид вынуждена жить на два дома, как вахтовик в Северном море. Родители стали совсем чужими и как будто перестали слышать ее.

Астрид, которая играет роль Пеппи Длинныйчулок в школьной постановке, не привыкла пасовать перед трудностями. Она тщательно разрабатывает план действий. Родителей нужно заставить немного поволноваться. Например, уехать одной на хорошо знакомый остров в Швеции и выключить телефон. Они, конечно, придут за ней, и им удастся поговорить. А может быть — чем черт не шутит? — помирятся и снова станут жить вместе.

Но даже гениальный замысел не застрахован от неожиданностей. Садясь в лодку, Астрид еще не подозревает, что остров на самом деле не необитаемый и что ее семья вот-вот окажется в центре детективной истории.

Герои норвежского писателя и музыканта Леви Хенриксена (родился в 1964 году) бегут из города в дикую местность, на природу, где благодаря стойкости и упорству находят в себе скрытые силы. Астрид — девчонка, чьей смелости и находчивости можно только позавидовать. Повесть «Ангел с Чертова острова» напоминает фильм «Королевство полной луны» и придется по душе всем, кто любит приключения.

УДК 821.113.5-053.6

ББК 84(4Нор)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as Engelen i djevelgapet, by Levi Henriksen

Copyright © CAPPELEN DAMM AS 2012

Published in the Russian language by agreement with Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden.

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

ISBN 978-5-00083-587-6

1

Когда мне исполнилось десять, я решила, что расти больше не буду. Люди растут, а сердца у них сжимаются, и места там становится меньше. Сперва в папином сердце вдруг не осталось места для мамы. Потом в мамином — для папы. И почему-то так сложилось, что теперь мне надо уместить в себе их всех — маму с ее новым другом и папу с его новой девушкой.

Новая папина девушка — вроде как моя мачеха — работает медсестрой, а называю я ее Пони. Вообще-то ее зовут не Пони, и лошадей она не любит, но у нее такое вытянутое лицо, что это имя ей в самый раз. Бабушка говорит, что фантазия у меня — будь здоров. Она говорит, что когда я вырасту, то буду писать сценарии для сериалов, в которых потом сама же и сыграю главные роли.

Театр и пьесы я с детства люблю, и бабушка часто хвастается перед своими подружками, что лучше меня

притворщиков не видала. Однажды она сказала кому-то, что во взрослой жизни меня ждет большое будущее, — я сама это слышала. Я еще не говорила ей, что никакой взрослой жизни у меня не будет, потому что расти дальше я не намерена. Бабушка, наверное, огорчится, когда об этом узнает.

Нового друга мамы зовут Дурмот. На самом деле его тоже зовут иначе, но я где-то прочитала, что если переставить в чьем-нибудь имени буквы и произнести его вслух три раза подряд, то человек этот исчезнет. Дурмот-Дурмот-Дурмот.

2

— Две минуты. — Учитель Ларсон поднял руку и растопырил указательный и средний пальцы. Так еще делают политики, когда хотят убедить избирателей, что все будет прекрасно, хотя в глубине души сами в этом сомневаются.

Я кивнула и подумала, что главное — расслабиться и не нервничать. Как сказала бы бабушка, «поучись спокойствию у удава». На сцене стоять мне уже много раз приходилось, да и реплики я выучила так, что от зубов отскакивают. К тому же вчера на генеральной репетиции все прошло отлично, так что сейчас можно не переживать. Вот только в голову все время

лез этот хитрый политик с растопыренными латинской буквой V пальцами. И в животе у меня урчало. Честно говоря, я просто волновалась. Не из-за выступления, конечно. Дело в том, что мне непременно надо было добежать до кабинета нашего школьного завхоза, взять там кое-что и сразу же вернуться назад, чтобы успеть к выходу.

Народу в зале было полным-полно. Я слегка раздвинула занавес. На третьем ряду восседала моя мачеха, Пони. Ее светлые кудряшки торчали во все стороны, прямо как солнечные лучи. Вчера, во время генеральной репетиции, на этом же ряду сидели мама с папой, но между ними почему-то уселся наш учитель физкультуры, которого я называю Гигантсеном. Рядом с ним мама и папа выглядели маленькими и перепуганными, точь-в-точь детишки возле кабинета стоматолога. На премьеру родители не пришли: у них дела. Дача в Швеции, которую теперь, когда мама с папой развелись, надо продавать.

Я снова посмотрела на мачеху. Мачеха — глупое слово. Хотя нет, не глупое — просто какое-то чудное. Похоже на «мячик». Беленький и аккуратный, он прыгает вверх-вниз, в такт героической песне о суровых краях.

— Астрид, — шепнул мне вдруг кто-то прямо в ухо, и от неожиданности я едва не завопила.

— Ой, прости, — извинился учитель Ларсон, отступая назад, — но ты уж очень задумалась. Вот я и решил тебя разбудить. — На последнем слове он поднял два пальца и загнул их, изображая кавычки. Я такие «кавычки» терпеть не могу — особенно с тех пор, как у меня появился отчим. Потому что отчим мой — словно одна большая кавычка. В ответ я чуть было не нагрубила учителю Ларсону, но вовремя сдержалась. Он же ничего плохого не хотел. Ко всему прочему, он довольно забавный, хотя и изображает всякие дурацкие кавычки, прямо как мой отчим.

— Просто вживаюсь в роль. — И я показала учителю Ларсону большой палец.

— Отлично. — Ларсон заулыбался. — Астрид, на тебе вся пьеса держится. Ты — сильнее, чем Тарзан, веселее, чем цирк, а чулок у тебя длиннее, чем день перед праздником. Вперед, Пеппи!

— Это точно, — согласилась я, — вперед, Пеппи.

Вообще-то я надеялась, что Ларсон выберет «Братья Львиное сердце» или какую-нибудь другую пьесу для тех, кто постарше, но учитель решил, что самым молодым актерам сыграть ее будет тяжело. К тому же выбери он «Братья Львиное сердце» — и главной роли мне уж точно не досталось бы. Многие говорят, что я похожа на мальчика, но играть мальчика на сцене я бы ни за что не согласилась.

Томми и Анника впервые пришли в гости на виллу «Курица», и мы сыграли в салочки. Потом я рассказала им о моем отце, капитане и правителе южных морей, и изобразила, как он ходит, так что зрители засмеялись. Я люблю, когда люди смеются, но заставлять их грустить мне тоже нравится. Когда я вытащила из бутылки записку, в которой говорилось, что капитана Эфраима захватили пираты, в зале стало тихо-тихо, а маленькая девочка на первом ряду расплакалась. Так сильно расстраивать зрителей не входило в мои планы, и я растерялась. Томми пришлось два раза спросить, что я теперь буду делать, прежде чем я спохватилась и ответила, что, конечно же, отправлюсь спасать папу Эфраима.

В следующей сцене Томми с Анникой идут домой — они хотят переночевать у Пеппи и должны отпроситься у родителей. Для меня этот перерыв был самым длинным, потому что после сцены дома у Томми и Анники учитель Ларсон ввел музыкальный номер с участием полицейских Клинка и Кланка. По-моему, в фильме, из которого Ларсон взял всю эту историю, такого эпизода нет, но учитель вечно что-то путает — так было с тех самых пор, как я начала заниматься в театральном кружке. Видно, поэтому он и расписание спектаклей составил таким образом, что после премьеры нас ждет перерыв на целую неделю, и лишь потом мы отыграем еще четыре представления.

Я выскочила со сцены, едва не сбив с ног Ларсона.

— Ты куда это? — выпалил он так громко, что двое опускавших занавес рабочих замерли.

— Желудок прихватило. — Я схватилась руками за живот, — срочно надо в туалет.

— Спектакль идет! — ужаснулся он.

— Ничего, я быстро. — Я прошмыгнула мимо него, но побежала не к туалетам, а наверх, на второй этаж.

За неделю до начала летних каникул вся наша детская театральная труппа помогала разбирать чердак в театре — именно тогда я и заприметила, где у завхоза лежит ящик с инструментами и где он прячет ключи от своего кабинета. А чтобы мой план сработал, мне надо было во что бы то ни стало забраться в кабинет к завхозу и вытащить из ящика клещи. Без этих клещей лето — а может, и вся моя жизнь — превратится в один большо-о-ой-пребольшой кошмар. Я снова подумала о том, что у меня аж полтора отца, а инструментов у них — разве что молоток да пара отверток. Правда, у дедушки имеется целый гараж, битком набитый всяческими инструментами, вот только дедушка живет далеко, на севере Норвегии.

Я вытащила ключ из шкафчика в коридоре как раз в тот момент, когда Кланк и Клинк запели свою песню. В кабинете завхоза пахло кофе и картошкой фри, а на заваленном всякой всячиной столе виднелись корбочки из-под гамбургеров.

Клещи, похожие на большую латинскую букву V, лежали в ящике для инструментов и оказались вовсе не такими уж тяжелыми. Зря я всю ночь не спала — лежала и думала, вдруг они будут тяжеленными и я рюкзак даже поднять не смогу, не то что его унести.

Ухватив клещи правой рукой, левой я потянула за ручку двери. Не открывается! Просто удивительно, насколько у некоторых людей левая рука слабее правой — даже дверь ею не откроешь. Я переложила клещи в левую руку, но дверь все равно не поддавалась. Я отложила клещи в сторону, вцепилась в ручку обеими руками и потянула на себя. Дверь заклинило.

Дыхание перехватило, и мне пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы не заорать от ужаса. Клинок с Кланком по-прежнему пели, а может, и нет, впрочем, какая разница — как только их песня закончится, будет мой выход! Томми с Анникой приходят на виллу «Курица», зовут меня — и на сцену опускается кровать, прицепленная к воздушному шару, а на кровати должна сидеть я!

— Астрид, Астрид, Астрид, — сказала я, но какой толк повторять собственное имя? Я снова подергала дверь. Нет, похоже, заклинило намертво!

Я огляделась и увидела в стене окно. Совсем маленькое окошко. Даже, скорее, форточка. Может, удастся спуститься оттуда по веревке? Вообще-то лазаю я не очень, но надо хотя бы попытаться. Да и, скорее

всего, с другой стороны невысоко. Несколько метров. Если с такой высоты упасть, вряд ли разобьешься. Правда? И чего я об этом сейчас думаю? Не думай. Не думай. Не думай! Все равно веревки тут нет. Вот теперь музыка внизу, похоже, точно стихла. Совсем скоро Томми с Анникой начнут меня звать!

Я схватила стул и пододвинула его к окну. Вспомнила, что бабушка перед каким-нибудь важным делом непременно крестится, и тоже перекрестилась. А потом залезла на стул. К счастью, шпингалеты открылись легко, я выглянула наружу и заметила прямо возле окошка пожарную лестницу, а под окном — что-то вроде выступа. Вот только если театр и правда загорится, то через такое крошечное оконце завхозу ну никак не выбраться. Впрочем, не время сейчас об этом думать. Может, раньше завхозы были щуплыми и низкорослыми? Кажется, я где-то читала, что рост викинга не превышал полметра. Или, может, полутора метров?

Я выпустила клещи из рук, и они с грохотом упали на выступ под оконцем. Там, внизу, все наверняка тоже услышали этот грохот, но я ни о чем не думала и упрямо лезла в окно. Сперва я высунула голову, потом вылезла сама. Примостившись на выступе, я захлопнула окошко.

Я полезла вниз по лестнице, громко топая по перекладинам, но осторожничать времени не было. Спрыгнув с последней ступеньки во двор, я помчалась к дверям. Первое платье Пеппи, которое для меня

сшили, оказалось слишком коротким — точнее, это папа так решил и запретил мне его надевать. Сейчас я была этому рада. Надень я то коротенькое платье — и спрятать клещи было бы некуда. Я распахнула дверь на сцену и по отчаянным голосам Томми и Анники поняла, что зовут они меня уже давно.

— Ты куда подевалась? — воскликнул учитель Ларсон, а по щекам у него текли то ли слезы, то ли пот. Я лишь отмахнулась, плюхнулась на огромную кровать и показала, что можно начинать. Кровать медленно поднялась вверх, и когда учитель Ларсон остался внизу, я сунула клещи под подушку.

— Пеппи, ты где?! — снова закричали Томми с Анникой.

— Я тут! — громко крикнула я в ответ, кровать повисла над сценой, и зрители ахнули. — Осторожнее, приземляюсь! — прокричала я.

— Но ведь кровати не умеют летать, — словно бы удивился Томми.

— Никакая это не кровать, — и тут у меня почему-то вырвалось: — это клещи! — оговорила я и от досады едва язык себе не прикусила, но сказанного не воротись. Томми с Анникой удивленно переглянулись, а суфлер сложил рупором ладони и поднес их ко рту.

— Я хотела сказать — это воздушный шар! — поправилась я.

Когда мы доиграли до конца, зрители ужасно громко нам хлопали — моей игрой еще сроду никто так не восхищался. И все равно мне взгрустнулось, ведь ни мамы, ни папы в зале не было. Конечно, за день до этого они приходили на генеральную репетицию, но настоящая-то премьера сейчас. Бабушка говорит, что генеральная репетиция — это вроде как вечер накануне Рождества, и тут я с ней согласна. Лучше б, конечно, мама с папой провели со мной и настоящее Рождество. Но сильнее всего мне хотелось, чтобы мама с папой не расходились. Или, если уж дела и впрямь пошли так плохо, просто разъехались и не искали себе новых жен и мужей.

Моя мачеха вскочила и тоже захлопала в ладоши, а рядом с ней стояли и хлопали какие-то мужчины. Как говорит бабушка, некоторые женщины действуют на мужчин, словно липучка на мух. Так оно и есть. Мачеха помахала мне, но я притворилась, будто не замечаю. У меня есть несколько одноклассников, у которых родители тоже в разводе, но у них отцы не женились заново. Почему бы Пони не заполучить себе кого-нибудь свободного? Так нет же — ей непременно мой папа понадобился.

Откланявшись, я первой убежала со сцены, быстро нашла клещи и, спрятав их под платьем, выскочила в раздевалку. Там я стянула с себя платье и чулки,

надела брюки, рубашку и куртку и лишь тогда поняла: у меня проблема. Клещи оказались такими здоровенными, что не умещались в рюкзаке. Господи, Астрид. Ну что ж ты такая глупая? Как тебе вообще в голову пришло притащить розовый рюкзачок «Хелло, Китти», с которым ты ходила во второй класс? Сейчас все увидят, что ты в нем прячешь. Ручка двери повернулась, и в дверь громко постучали.

— Секундочку! Я одеваюсь! — крикнула я.

— Астрид, давай уже быстрее! Тут всем домой хочется! — судя по голосу, кричала Эмма — та, что играла Аннику.

— Уже выхожу! — успокоила я ее и метнулась к окну. Можно выбросить клещи в окно, а потом подобрать. Я отодвинула щеколду, дернула за ручку, но окно не поддавалось.

— Астрид! — снова слышалось из-за двери.

— Бегу-бегу! — заверила я, засовывая клещи в брюки, по одной рукоятке в штанину. На самих кусачках был ограничитель, так что живот мне не прищемило, но железо было прямо-таки ледяным, да и двигалась я, как моряк во время качки. На всякий случай я прикрылась рюкзаком.

— Простите. Мне во время выступления что-то плохо стало, и поэтому я решила побыстрее переодеться. В этих колготках я просто задыхаюсь! Но мы отлично отыграли, да? — Я улыбнулась Эмме и проскочила

мимо нее к выходу. К счастью, без парика и в обычной одежде Пеппи не узнать, поэтому я незаметно выскользнула на улицу, где меня уже ждала Пони. Она распахнула объятия, но я сделала вид, будто не поняла, и просто хлопнула ее по ладони.

— Какие вы молодцы, Астрид! — Она заулыбалась так, словно я была ее настоящей дочкой и она мною гордилась.

— А то! Ну что, поехали домой? — Я двинулась к машине.

— А не хочешь в кафе зайти? Мороженого бы поели и лимонаду выпили, — предложила Пони, — туда много народа из вашего театра пойдет.

— Я что-то совсем выдохлась. Домой хочу, — уперлась я.

— Ну, как хочешь, — сдалась она и больше даже улыбаться не пыталась.

Я зашагала к машине, стараясь двигаться побыстрее, но, строго говоря, получалось у меня плохо, и со стороны я напоминала заводную игрушечную собачку.

— Ты как-то странно ходишь, — подметила Пони.

— Это я на сцене коленкой ударилась, — ответила я.

— Ох, вот бедняжка, — посочувствовала она, — давай посмотрю.

— Не надо, всё уже в порядке. — И я заковыляла к задней дверце, вот только с железными клещами в штанинах особенно не сядешь, поэтому я лишь прислонилась к ней.

— Сядешь вперед? — Пони открыла машину.

Я покачала головой.

— Учитель Ларсон говорит, что после выступления надо уметь выключаться и освободить голову, поэтому я лучше лягу, прямо тут, на заднем сиденье, — сказала я.

Пони посмотрела на меня и скривилась — так, словно ей хотелось прочитать мне нотацию, но она взяла себя в руки.

— Ты большой оригинал, — сказала она.

— Ну, не я одна, — ответила я, укладываясь на сиденье.

Домой мы ехали в полной тишине, и я обдумывала все то, что мне предстояло совершить в ближайшие дни. Все, что требовалось уладить, чтобы моя задумка сработала.

3

По приезде домой я тотчас же бросилась к себе в комнату, соврав Пони, что мне, мол, надо бабушке позвонить и рассказать ей о выступлении. На самом деле мне просто требовалось посидеть чуть-чуть в тишине и покое — собраться с мыслями, чтобы никто не талдычил мне над ухом, какая я молодец. Какой смысл говорить мне об этом, если ты мне

не папа и не мама? Я достала их свадебное фото. Когда я на него смотрю, то слегка им завидую. Меня-то с ними на этом снимке нет, ну, то есть я уже есть — в животе у мамы, — но меня не видно. Вот я и завидую, что они там есть, а меня нет. Время от времени я разглядываю фотографию в лупу, и тогда мне кажется, будто живот у мамы и правда слегка выпирает. А какая она красивая! Прямо как та длинноволосая тенька из рекламы шампуня или еще другая, которой подарили новые духи, и она теперь сияет от радости. А папа выглядит словно охотник на лис. Не норвежский, а скорее британский. У них еще такие красные пиджаки и фетровые шляпы. Я как-то видела про них передачу по телевизору, и хотя лису было до слез жаль, охотники показались мне очень стильными — такие суровые и чопорные, а пиджаки надели — будто бы прямо с вешалками. И лица у всех серьезные, вылитый папа на свадебном снимке.

Кстати, зовут моего папу Бальтазар. Это правда, я не выдумываю. Во всей Норвегии с таким именем живет всего четыре человека. А еще так звали одного из волхвов, которых Вифлеемская звезда привела поклониться к колыбели Иисуса. Папа смуглый и темно-волосый, так что можно подумать, будто они с Иисусом родом из одной страны, но на самом деле мой папа родился в Чехословакии и вырос в Норвегии. Сейчас, кстати, его родная страна развалилась, как и брак моих родителей. Теперь там целых два государства — Чехия

и Словакия. Иногда мне кажется, будто мама с папой разошлись, потому что папина родина тоже развалилась на две части, но, если честно, я и сама в это не особо верю. У меня полно одноклассников, чьи родители тоже развелись, хотя их предки прожили в Норвегии тысячу лет, не меньше.

Мама моя выглядит как обычная норвежка. Она родилась в Финнмарке, на самом севере Норвегии, ее отец — рыбак. Он всю жизнь проработал в море, а плавать все равно не умеет. Как по мне, так это странно-ва-то, а еще удивительно, что мама тоже так и не научилась плавать. Мама говорит, это потому что вода там холодная и ей совсем не нравилось плескаться в море. По-моему, так себе оправдание: мама уже прожила здесь, в Финнскугене, намного дольше, чем на севере.

Маму зовут Эмилия, и за последние годы это имя стало одним из самых популярных в нашей стране. Это тоже странно, потому что мое собственное имя уже давным-давно вышло из моды, еще во время Второй мировой войны. В 1945 году оно в последний раз вошло в десятку самых популярных имен, но, по-моему, с войной это никак не связано. В общем, со стороны, если судить только по именам, может показаться, будто я — мама, а мама — моя дочка. Эмилия — имя более современное. И очень красивое. Я так раньше считала. Когда мама с папой жили вместе, мою самую прекрасную куклу звали Эмилией. А теперь ее никак не зовут.

Теперь эта кукла безымянная, и я в нее больше не играю. Вместо этого я стою на голове. Если каждый день простаивать на голове по десять минут, то точно не вырастешь, я уверена. Во всяком случае, выше я точно не стану. С тех пор, как я начала стоять на голове, росту во мне ни на сантиметр не прибавилось.

А если вам интересно, какое у меня полное имя, то вот оно: Астрид Барос, и этим летом мне исполнится одиннадцать.

4

Две недели я живу с мамой, а следующие две — с папой. А еще они решили, что летние каникулы я проведу с ними обоими. Сперва мама, я и Дурмот-Дурмот-Дурмот все втроем поедem в летний домик в Южной Норвегии, и случится это через 14 дней. Ну, это они так думают. Мама там будет загорать на пляже, листать модные журналы, а меня заставит плавать вместе с Дурмот-Дурмот-Дурмотом, потому что сама плавать не умеет. Но тут пора, наверное, рассказать о моем великом плане. И объяснить, зачем мне понадобились клещи.

Мама обещала, что в Южной Норвегии они возьмут напрокат моторную лодку и разрешат мне порулить. Сначала я даже немного обрадовалась, хоть

и не подала вида. Но потом я расстроилась: моторкой меня научил управлять папа. Мы тогда отдыхали на нашей шведской даче в Арвике и несколько раз ходили на моторке до самого озера Венерн, между прочим, третьего по величине в Европе. В наше последнее лето на даче мы все вместе отправились на необитаемый остров (он называется Чертов остров) и там заночевали в палатке.

Остров находится далеко от материка, в открытом море. Мы разожгли костер на берегу и жарили сосиски, а папа придумывал истории о страшном отшельнике, якобы живущем здесь, в пещере Дьявольская пасть. Скоро мама с папой дачу продадут, и таких чудесных каникул у меня, наверное, уже никогда не будет.

В конце июля мы вроде как собираемся на юг с папой и Пони. Когда я была совсем маленькой, мы с мамой и папой тоже ездили на юг, и это было прикольно. Но теперь папа надумал свозить свою новую подружку в то же самое место! Получилось прямо как с новым велосипедом: папа купил мне его в прошлом году, а я жутко расстроилась, потому что меня и старый велик вполне устраивал. Похоже, родители не понимают, что порой совсем необязательно делать что-то новое. В этом году я безуспешно пыталась втолковать им обоим, что не хочу никуда с ними ехать и что, когда мама поедет в Южную Норвегию, я могу побыть с папой, а когда он уедет на море, то я переселюсь к маме.

Но больше всего мне хотелось отправиться к бабушке и отдохнуть у нее не только от родителей, но и от их новых спутников жизни. Впрочем, вслух я этого не сказала. Я же не дуручка. Когда я выступила с этим предложением, мама с папой как по команде поджали губы и заявили: менять что-то уже поздно, все забронировано и оплачено.

Каждый день я стою на голове перед зеркалом. Раньше я просто считала до 600, но недавно стащила таймер, при помощи которого папа отмеряет время варки яиц. И теперь ставлю таймер на десять минут — когда они истекают, на дисплее появляется ноль. Раз время может идти назад, то, значит, и я могу не расти. Поначалу я вообще боялась, что стану укорачиваться, но я каждую пятницу измеряю свой рост и ниже пока не стала. Выше тоже. Вот уже несколько месяцев во мне 153 сантиметра.

Я стою на голове не только для замедления роста. В такие моменты намного проще думается. Обычно не успеваю я додумать какую-то мысль до конца, как в голову уже лезет следующая. А когда стоишь на голове, все иначе. И все кажется другим. Я вижу вещи под другим углом, и поэтому у меня часто появляются интересные идеи. Именно здесь, перед зеркалом, стоя на голове, я придумала мой великолепный план. Сначала я обратила внимание, что